

УДК 947.084.5(571)

В.Г. Кокоулин

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

kwladislaw@yandex.ru

ВОССТАНИЕ В ИРКУТСКЕ В ДЕКАБРЕ 1919 г.

В статье рассматриваются военно-политические события в Иркутске на завершающем этапе Гражданской войны в Сибири. На основе всех имеющихся документов анализируются политическая позиция, тактика и лозунги трех политических сил: колчаковских властей, мелкобуржуазного лагеря и большевиков. Показана деятельность органов власти, влияние партизанской борьбы на исход событий, участие иркутских и черемховских рабочих в восстании. Отмечается, что последней ставкой колчаковских властей был забайкальский атаман Г.М. Семёнов и стоявшая за ним Япония. Представители стран Антанты хотя и участвовали в политической борьбе, но не являлись решающей силой, как это было на первом этапе Гражданской войны в Сибири. На конкретных исторических примерах проиллюстрирована деятельность представителей колчаковского военного командования и политических руководителей, их неумение ориентироваться в быстроменяющейся обстановке, неприемлемость их политических лозунгов продолжения борьбы с большевиками до победного конца и восстановления единой и неделимой России под властью монархического или буржуазного правительств для большинства рабочих и крестьян. Отмечается также, что наиболее приемлемым лозунгом для большинства сибиряков было окончание Гражданской войны, чем смогли воспользоваться большевики в своей агитационной и организаторской работе. Подчеркивается, что несмотря на незначительное количество большевиков в Иркутске, их влияние за счет организованности и дисциплины оказалось в конечном итоге преобладающим. В статье делается вывод, что окончательный исход борьбы определялся соотношением борющихся сил, их организацией, умением выдвинуть правильные лозунги и повести за собой массы.

Ключевые слова: Сибирь, Гражданская война, Иркутский Политцентр, А.В. Колчак, Г.М. Семёнов, политические партии, иностранная интервенция, партизаны.

События в Иркутске в декабре 1919 г. оказали решающее влияние на завершение Гражданской войны в Сибири. Этому сюжету посвящена многочисленная мемуарная и исследовательская литература. Однако, если в советской мемуаристике и историографии на первый план выводилась решающая роль большевиков в этих событиях, то в эмигрантской и постсоветской за редким исключением – роль эсеров, а сам исход событий сводился к ошибкам и просчетам как представителей колчаковских властей, так и образовавшегося из меньшевиков, эсеров и земских деятелей Политцентра [1; 2; 7]. Между тем для понимания логики событий и взвешенной оценки исхода борьбы необходимо внимательно, с привлечением всех возможных документов изучить тактические действия противоборствующих сторон с учетом общей обстановки завершающего периода Гражданской войны в Сибири.

Обстановка в Восточной Сибири в декабре 1919 г. характеризовалась следующими чертами: 1) сильно развитым партизанским движением, охватившем весь тыл колчаковской Сибири, за исключением полосы вдоль железной дороги, которую контролировали чехи; 2) стремлением эсеров и меньшевиков организовать военный переворот с целью захвата власти и очередной попытки реализовать «народное правление»; 3) настроением основной массы населения в пользу установления Советской власти и скорейшего прекращения Гражданской войны. Вот как характеризовал в воспоминаниях настрой Иркутска активный участник событий А. Ширямов: «Общее положение перед восстанием было примерно таково. Фронта уже не существовало. Окончательно разгромленные белые бесформенной массой откатывались к Красноярску, тысячами сдавались в плен, поднимали восстания. Командующим вместо Сахарова был назначен генерал Каппель <...> Железная дорога была захвачена чехами, спешно уходившими на восток с награбленным имуществом, они везли с собой все, что могло уместиться в вагонах: мебель, экипажи, станки, зеркала, моторные лодки, пианино, огромные запасы провианта, обмундирование, мануфактуру, военное снаряжение и пр. В ленте их бесконечных эшелонов где-то двигался Колчак со своим поездом и двумя эшелонами золотого запаса России.

Платя целые состояния за места в поездах бежала на восток буржуазия. Семёнов не пропускал ее за Байкал и она оседала в Иркутске. Все пространство Сибири вокруг железной дороги было занято партизанами. В самом Иркутске, кроме правительства, всевозможных учреждений и буржуазии, находился довольно значительный гарнизон, стояли чешские части, на вокзале в вагонах находились все иностранные миссии с генералом Жаненом во главе, стоял эшелон японцев» [11, 125].

В этой обстановке иркутские эсеры готовили восстание, рассчитывая не на рабочих, а на солдатские массы, которые были готовы на все, лишь бы установился мир. Поэтому восстание предполагалось исключительно как военное, рассчитанное на короткий уличный бой. Эсерам удалось договориться с чешским командованием о нейтралитете. Чехи, которых к тому времени в Иркутске и западнее его было 30-40 тыс. человек, ввязываться в события не желали, а их орган, газета «Чехословацкий дневник», предостерегала «от попыток эсеров тем или иным способом вовлечь чешских солдат в эсеровскую авантюру»¹.

Пытались эсеры договориться и с большевиками, понимая их связь с наступающей на Иркутск Красной Армией и партизанским движением. Вот что вспоминал другой активный участник событий большевик И. Сурнов: «В первых числах декабря эсеры снова пригласили нас для переговоров. Организация послала меня. При разговоре с эсерами выяснилось, что они приглашают нас снова выступить совместно с ними в ближайшие дни. Выступление было назначено на середину декабря. Пришлось вновь отказаться и уйти. Эсеры, однако, не успокоились и с лихорадочной поспешностью готовились к выступлениям. По всем окружным городам у них были организованы отделения Политцентра»²[11, 123]. Напомним, что Политцентр объединял эсеров, меньшевиков и земских деятелей, т. е. был мелкобуржуазным по своему составу.

В эти дни Иркутская городская дума большинством эсеровской фракции провозгласила необходимость создания единого социалистического правительства. Лозунг уже не в первый раз выдвигался в ходе революции и Гражданской войны, но всякий раз менял свое содержание, подразумевая то «единый фронт» от большевиков до народных социалистов, то «единый фронт» мелкобуржуазных партий без большевиков, но всякий раз казавшийся выдвигающим его эсерам и меньшевикам воплощением «третьего пути» в революции. На этот раз совещание меньшевистской группы «Единство» и народных социалистов отнеслось к этой декларации резко отрицательно. Иркутская газета комментировала: «По мнению совещания, требование предоставления всей власти исключительно социалистам лишний раз скомпрометирует социализм в России, так как революционная демократия собственными силами не в состоянии ни прекратить войны, ни воссоздать России. Умолчание о созыве Учредительного собрания свидетельствует о подготовке к сдаче социал-демократами и социалистами-революционерами незыблемых основ демократического правопорядка, это умолчание является капитуляцией революционно-демократического представительства перед большевиками. “Единство” и народные социалисты решительно отвергают возможность примирения с большевиками. Выходом из создавшегося положения, по мнению этих социалистических партий, является созыв Земского собора, перед которым в полной мере должно быть ответственно правительство»³.

Направил свой протест-угрозу в адрес Иркутской городской думы и атаман Г.М. Семёнов: «Декларация Иркутской городской думы о создании единого социалистического правительства есть ничто иное, как насилие над волей народов России, противоречащее принципам демократического представительства, я не могу допустить проведения Иркутской городской думой в общегосударственное строительство идей, являющихся социалистическим суррогатом, которые еще в 1917 г. привели Россию к позору большевизма»⁴.

Для реализации своих замыслов эсеры организовали 21 декабря совещание городских и земских управлений Сибири для созыва общего собрания земских деятелей, представителей политических партий и профессиональных организаций. Было решено провести следующее заседание 23 декабря, однако радикально изменившаяся обстановка не позволила реализовать

¹ Чехословацкий дневник. 1919. 27 дек. // Цит. по: [3, 39].

² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1397. Л. 50.

³ Свободный край (Иркутск). 1919. 12 дек. (29 нояб.).

⁴ Забайкальская новь (Чита). 1919. 18 дек.

задуманное. Как только очередное совещание 23 декабря открылось в городском театре, туда явились военные с приказом начальника иркутского гарнизона генерала К.И. Сычёва прекратить работу собрания⁵.

Готовились к выступлению и большевики. Их тактика сводилась к следующему: 1) выступить одновременно с эсерами, но свои части не подчинять эсеровскому командованию; 2) захватить в первую очередь оружие; 3) лозунга Советской власти не выдвигать, чтобы не столкнуться с чехами, 4) связаться с партизанскими отрядами и подтянуть их к городу⁶.

Событиям в Иркутске предшествовало вооруженное восстание в Черемхово, которое началось в ночь с 21 на 22 декабря. События развивались следующим образом. Солдаты черемховского гарнизона (17-й отдельный железнодорожный батальон) заняли колчаковские учреждения и арестовали управляющего уездом, начальника гарнизона, начальника милиции и нескольких офицеров. Однако днем 21 декабря все арестованные были освобождены. Чешское командование заявило, что оно будет держаться нейтралитета. Несмотря на это в городе был организован революционный штаб, в который вошли местные земские деятели. Повстанцы связались с управляющим губернией П.Д. Яковлевым, который заявил, что если будет выдвинут лозунг народовластия, то он вмешиваться не будет⁷ [3, 24, 25; 8, 87].

Как только в Иркутске стало известно об этом восстании, Политцентр отправил в Черемхово своего уполномоченного В.Н. Устюжанина, который создал местное политическое бюро, пригласив в него представителей уездного и городского самоуправлений, кооперативов, учительского съезда и других легальных организаций. Среди поддержавших восстание офицеров был создан военно-социалистический союз. В докладе В.Н. Устюжанина в Политцентр отмечалось: «Организация рабочих осложнилась целым рядом важных обстоятельств: во время нескольких бывших на черемховских копиях забастовок с копеек были изъяты или бежали все наиболее активные и сознательные рабочие, и рабочая масса представлялась в следующем: небольшая группа русских рабочих, состоящая главным образом из случайных элементов, пришедших из деревни на заработки, массы китайцев и пленных мадьяр. Между русскими рабочими и рабочими-мадьярами существовала довольно тесная связь, и вооружение русских рабочих предвещало вооружение мадьяр, что представляло опасность, ибо вследствие старого антагонизма между мадьярами и чехами нельзя было быть уверенным, что мадьяры, вооружившись, не предпримут агрессивных действий против стоявших в городе и на станции чешских частей, представлявших из себя большую силу. Кроме того, такое столкновение могло быть губительным для всего повстанческого движения в Сибири. Таким образом, от организации крупных рабочих отрядов пришлось отказаться, и к моменту восстания фигурировала только небольшая группа лично нам известных рабочих»⁸.

Однако черемховские рабочие, как и опасались эсеры, оказались под влиянием местной организации РКП(б), которой руководила Е.В. Бердникова. В комитете РКП(б) обсуждалась возможность, захватив оружие и создав партизанский отряд из рабочих, уйти в тайгу; тем не менее было решено остаться в городе, комплектуя рабочие дружины, заняв выжидательную позицию в отношении местного политического бюро.

А.В. Колчак, узнав о восстании в Черемхово, передал 23 декабря по телеграфу командующему войсками Иркутского военного округа, чтобы тот срочно обратился за помощью к «нашим войскам в Забайкалье», т. е. к атаману Г.М. Семёнову, и, кроме того, попросил бы японцев усилить их гарнизон в Иркутске. Для придания решимости Семёнову Колчак 24 декабря назначил его командующим войсками Иркутского, Забайкальского и Приморского военных округов. Одновременно заместитель недавно назначенного премьер-министром В.Н. Пепеляева С.Н. Третьяков, выехавший в Читу со специальным поручением, сообщил оттуда в Иркутск, что помощь японских и семеновских войск можно считать обеспеченной. Он телеграфировал членам колчаковского правительства: «Вся задача ваша заключается в том, чтобы какими угодно мерами, до террора включительно, продержаться неделю» [8, 88].

⁵ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

⁶ Воспоминания П. Москалёва // Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 743. Л. 38.

⁷ Там же. Д. 768. Л. 2; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 16. Л. 1об.

⁸ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 90. Л. 20, 21.

Тем временем события в Черемхово развивались без особых осложнений. 26 декабря Черемховская городская дума постановила приветствовать переворот, «совершенный революционными войсками под лозунгом народовластия, возвращающий нас к исходной точке революции; призвать граждан и рабочих к поддержке руководящих органов переворота путем спокойного и упорного труда в борьбе их против реакции и победного завершения начатого». В воззвании Дума напомнила «всем гражданам, что только при установлении истинного народовластия, каждый класс, каждая группа населения получает возможность вести легальную борьбу за свои интересы, не подавляя и не зажимая рот противникам <...> Да здравствует народовластие! Да здравствует Сибирское народное собрание! Да здравствует гражданский мир! Да здравствует Сибирское Учредительное собрание»⁹. 28 декабря черемховское политическое бюро передало власть организованному военно-революционному комитету. Установив связь со штабом Ангарского фронта в Балаганске и разослав по окрестным селам агитаторов, военно-революционный комитет прекратил подачу угля в Иркутск и взял под контроль телеграф [4, 207; 3, 24, 25].

Одновременно с восстанием в Черемхово восстал гарнизон в Нижнеудинске, однако чехословаки взяли под свою охрану Колчака, Пепеляева и золотой запас. Управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев, узнав о событиях в Нижнеудинске и Черемхово, понял, что его власти подходит конец. Поэтому он обратился с предложением к подпольному иркутскому губернскому комитету РКП(б). Вот что вспоминал А. Ширямов: «Я встретился с ним. Он сказал, что готовится восстание, но эсеры не продержатся и им на смену придут коммунисты. Яковлев предложил, что отряд особого назначения, поставленный для охраны тюрьмы, отпустит политических заключенных, взамен мы гарантируем безопасность 30-40 деятелям, которые работают с ним. Иркутский комитет решил не отвечать Яковлеву»¹⁰.

О конкретной причине, по которой было отвергнуто это предложение, судить трудно. Однако можно предположить, что либо большевики считали какие-то компромиссы с властями невозможными, либо это позднейшая интерпретация событий мемуаристом. В пользу первого предположения говорит листовка РКП(б) «К населению Иркутска», которая появилась в связи с событиями в Черемхово. Листовка призывала: «Всюду свергнута проклятая власть душиателя народной жизни колчаковского правительства и уже едут в Иркутск делегаты Советской России. Очередь за Иркутском <...> Только две силы, два класса вели борьбу в России. Одна – это сила буржуазии, сила старого мира, старого уклада жизни, приведшего нас к участию в мировой войне, к нищете, к кровавым ужасам – эта сила разбита и никогда не восстанет вновь... И сила нового мира, сила трудовых масс населения, видящего зарю новой жизни не в господстве капитала, но в господстве труда – эта сила торжествует победу и ее рука простерлась над Иркутском. Свою власть она осуществляет во власти Советов. Никаких промежуточных форм власти нет и не может быть. Единственной мыслимой в России властью – законной преемницей власти буржуазии может быть лишь власть трудящихся – Советская власть»¹¹.

День 24 декабря в Иркутске прошел тревожно. Еще утром этого дня начальником Забайкальской железной дороги был получен приказ атамана Г.М. Семёнова «О восстановлении порядка на железной дороге», в котором сообщалось «о движении к Иркутску дивизии бронепоездов». Действительно, в этот день Семёнов отправил из Читы отряд из своих и японских войск общей численностью 7 тыс. штыков. Это были сравнительно небольшие силы, однако это были не разложившиеся и деморализованные колчаковские войска, а дисциплинированные и стойкие противники Красной Армии. В Иркутске за подписью и. о. председателя колчаковского Совета министров А.А. Червен-Водали было опубликовано воззвание «К населению», где, извещая «благонамеренных граждан» об этом «радостном событии», напоминали: «Помните, что хлеб идет сейчас только с востока!»¹² [3, 26].

Однако весь день обыватели обсуждали не этот приказ, а внезапное падение курса иены до 65 руб. Находившийся в Чите заместитель председателя Совета министров С.Н. Третьяков

⁹ Информационный листок № 4 Черемховского ревштаба, 27 декабря 1919 г. // ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 729. Л. 1.

¹⁰ Воспоминания А.А. Ширямова, 6 января 1933 г. // Там же. Д. 758. Л. 14-16.

¹¹ Там же. Д. 891. Л. 2.

¹² ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1508. Л. 3.

вечером связался с оставшимся в Иркутске и. о. председателя Совета министров А.А. Червен-Водали, который сообщил ему, что «настроение в Иркутске в достаточной степени нервное». Далее он рассказал ему о том, что управляющий Енисейской губернией сообщил, что в Красноярске тяжелое настроение, все готовятся к эвакуации, власть «для охранения порядка» передана самоуправлениям, которые хотят поддержать внутренние фронты. Затем С.Н. Третьяков задал вопрос, сможет ли Иркутск продержаться неделю? А.А. Червен-Водали неуверенно ответил: «Надеюсь да, но полной гарантии не дам»¹³.

24 декабря представитель из поезда Колчака разговаривал по прямому проводу с генералом В.В. Артемьевым. Воспроизведем характерные моменты переговоров.

Представитель из поезда Колчака: 1) Представляется ли возможным теми силами, которыми Вы располагаете, привести в порядок Черемховский район и в какой срок? 2) Если это невозможно, то необходимо обратиться к нашим войскам в Забайкалье и подчинить Иркутский военный округ атаману Семёнову. 3) Каково положение Иркутска? 4) Обратиться с просьбой к японскому командованию о скорейшем усилении японского гарнизона в Иркутске.

Генерал Артемьев: При настоящем положении в Иркутске выводить части гарнизона нельзя, поэтому для прекращения беспорядков в Черемхове нужно назначить другие части. К японцам обращались за помощью. Можно рассчитывать, что они придут. С прибытием их можно будет выделить из гарнизона Иркутска часть в Черемхово для прекращения там беспорядков. Военмин вчера обращался к Семёнову за поддержкой. Пока до сих пор нет ответа. В Иркутске бурлят и суетятся эсеры, паническое настроение большей части интеллигенции. Среди войск ведется пропаганда, но пока есть надежные части. Прибытие японцев создаст благоприятное настроение как в обществе, так и в войсках¹⁴.

Однако события развивались быстро и надежда на «успокоение» в связи с прибытием семеновских и японских войск не осуществилась. Как вспоминал современник событий, по-видимому, П.Д. Яковлев, вечером 24 декабря в Глазковском предместье, прилегающем к железнодорожному вокзалу, в казармах 53-го полка появился штабс-капитан Калашников с приставленным к нему от Политического центра комиссаром Мерхалёвым. После короткого митинга полк вместе с офицерами провозгласил власть Политцентра. Через несколько часов Калашников занял станции Военный городок, Иннокентьевскую и Батарейную с ее громадным артиллерийским складом.

Подробности происшедшего сообщает А. Ширямов: «Глазково отделено от города широкой и быстрой рекой; через него проходит железная дорога; кроме этого полка и чехов в предместье иных частей не было <...> Из членов Сибирского комитета в Глазково находился в это время Миронов; под его руководством к восстанию тотчас же примкнули железнодорожные рабочие. Успеху восстания способствовало то обстоятельство, что незадолго до него – 21 декабря – ледоходом сорвало понтонный мост, соединявший город с железной дорогой. Таким образом, части гарнизона, находившиеся в городе, не могли быть двинуты в Глазково против повстанцев» [11, 125].

Повстанцы арестовали проживавших в Глазково министра земледелия Н.И. Петрова, начальника управления Н.К. Федосеева и случайно находившегося на вокзале морского министра М.И. Смирнова [5, 272].

Утром 25 декабря А.А. Червен-Водали телеграфировал Колчаку и Пепеляеву: «Ночь прошла напряженно при усиленной охране правого берега Ангары. Район левого берега занят повстанцами. Руководит военной властью повстанец, штабс-капитан Калашников, от которого мною получено предложение передать власть Политцентру. Ничего не ответил. Город будет объявлен на осадном положении. Пока все части, расположенные на этой стороне, признаков перехода к повстанцам не обнаруживают. Командующий войсками руководит всеми военными силами, предпринимает активные операции»¹⁵.

В тот же день он связался с командующим 1-й Сибирской армией генералом А.Н. Пепеляевым. Воспроизведем ключевые моменты их разговора.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 1; Народная мысль (Иркутск). 1920. 13 янв.

¹⁵ Советская Сибирь. 1920. 20 мая; ГАНУ. Ф. П-5. Оп 2. Д. 1508. Л. 3.

А.Н. Пепеляев: Просил председателя Совета министров для выяснения политической обстановки, от которой сильно зависит дальнейшее существование армии на фронте. Здесь распространяется много слухов и мне нужно знать истинное положение дел.

А.А. Червен-Водали: Вчера 53-й полк, расквартированный на левом берегу Ангары, объявил себя перешедшим на сторону так называемого Политцентра, состоящего из большевистских соглашателей социалистов-революционеров и земцев, и занял при нейтралитете чехов вокзал. Мер сразу принять было невозможно ввиду отсутствия моста, сорванного ледоходом. На той же, первой и второй местности батальоны, из которых один присоединился, другой находится в повиновении. Части, расположенные в городе, находятся в подчинении и сегодня все были дежурные части в полной готовности. В течение ночи никаких выступлений не было. Ночью произведены аресты главарей движения. Вчера сносился с заместителем председателя Третьяковым в Чите, получил заверение, что оттуда и из Верхнеудинска направляются подкрепления, которые могут подойти в ближайшие дни. В городе настроение очень нервное, выпущены воззвания повстанцев. Эти воззвания срываются. Есть основания ожидать подхода иностранных войск Вам понятной национальности. С Вашим братом сейчас разговаривал <...> От него получил указания, что ни в какие соглашения с большевистски настроенными элементами вступать невозможно. Этой же точки зрения держимся и мы. Виктор Николаевич находится в Тайшете.

А.Н. Пепеляев: Фронт сейчас находится несколько восточнее реки Яя. На фронте находятся арьергарды армии. Остальные же части, вышедшие из тяжелых испытаний из Барнаульского, Новониколаевского и Томского районов проходят через Мариинск в район Ачинский, занимают тыловые позиции. Для планомерного отхода армия (малочисленная) нуждается в продовольствии и денежных знаках, а также в обмундировании <...>

А.А. Червен-Водали: <...> Станция Черемхово в руках повстанцев. Рабочие не примкнули. Уголь добывается и грузится в прежнем размере. С севера надвигаются банды, вышедшие из Верхнеудинска и находящиеся верстах в 100 с небольшим от Иркутска ¹⁶.

Вновь предоставим слово П.Д. Яковлеву, который отмечал, что 25 декабря «город жил своей жизнью, полной лишений и неурядиц; с внешней стороны как будто ничего не произошло и только расклеенные всюду прокламации Политического центра да усиленные патрули по ночам говорили о происходящих событиях; А.А. Червен-Водали вел непрерывные переговоры то с Читой, то с поездом верховного правителя и Пепеляева, которые миновали Красноярск и приближались к Тайшету» [12, 88].

Прокламации Политцентра были расклеены, по-видимому, ночью. В них разъяснялась позиция Политцентра и его цели: «Политцентр, поднявший на широком пространстве Сибири знамя восстания против Колчака и атамановцев, объединяет в своих руках трудовое крестьянство, земство города и социалистические партии. Под боевые знамена Политцентра тесными рядами становятся рабочие массы Глазковского и Знаменского предместий, Черемхово и других рабочих районов Сибири <...> Чего же хочет Политцентр, возглавляющий народное движение? Прекращения Гражданской войны и заключения мира с Советской Россией. Восстановления попранных свобод: свободы союзов, собраний, печати и слова. Государственного контроля над промышленностью с участием рабочих и обложения имущих классов в пользу государства. Установления полномочной народной власти в лице временного законодательного Народного собрания, созданного из представителей крестьян, рабочих, земств и городов. Для рабочих – широкой охраны труда, 8-часового рабочего дня и оплаты труда по прожиточному минимуму, установленному кооперативными организациями и профсоюзами. Для крестьян – временного регулирования земельных отношений на основах, принятых Всероссийским Учредительным собранием. Для всего населения – обеспечения продовольствием путем передачи всего продовольственного дела в руки кооперативных организаций и беспощадной борьбы со спекуляцией. Все, кто за власть демократии против господства буржуазии и иностранного вмешательства империалистических держав встанут под знамена Политцентра. Увеличивайте силы Народно-революционной армии. Помните, что каждый лишний штык – удар в агонии бьющейся кучке старых слуг царского режима» ¹⁷.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1508. Л. 4, 5.

¹⁷ Там же. Оп. 6. Д. 109. Л. 1.

Особых событий днем 25 декабря не случилось. Однако к вечеру стало известно, что управляющий губернией предложил своим сотрудникам подать в отставку, ввиду того что правительство приняло определенную ориентацию на восток, не приемлемую для иркутских работников. Собственно решение об отставке с личным докладом П.Д. Яковлев вручил А.А. Червен-Водали, который обещал дать ответ «на днях» и во всяком случае «не подвести». П.Д. Яковлев отмечал: «Таким образом, во власти правительства остался даже не Иркутск, а только “Модерн”, да здание Русско-Азиатского банка, где помещался Совет министров. Настроение Совета министров подымалось и падало в зависимости от сообщений из Читы. Но Чита медлила с определенным ответом на просьбы о помощи. И только к вечеру 25 декабря японский полковник Фукуда, утешая генерала Сычёва, заявил, что японское командование решил ввести японские войска в пределы Иркутского военного округа. Слава богу! И Сычёв, и Совет министров вздохнули свободнее. Как будто спасены» [12, 88].

Бывший премьер-министр колчаковского правительства П.В. Вологодский, очевидно, хорошо знакомый с позицией членов Совета министров, записал в дневнике: «25 и 26 декабря были посвящены непрерывным занятиям Совета министров под председательством назначенного на время отъезда С.Н. Третьякова заместителя председателя А.А. Червен-Водали. Совещания не были дружными, мнения разошлись. Некоторые министры предлагали сложить свои полномочия и передать власть представителям земств и городов, хотя и были уверены, что новой власти не справиться с задачами, выпадающими в данный момент на правительство, другие держались мнения, что надо бороться с повстанцами самым решительным образом, ибо передача власти в их руки расчистит только путь к захвату власти большевиками, тем более, что восставшие одним из своих лозунгов выкинули “Мир с большевиками” с целью прекращения войны» [5, 272, 273].

Атаман Г.М. Семёнов, всецело зависевший от японского командования и понимавший, что Иркутск он удержать не сможет, в мемуарах пытался оправдать свое бездействие: «Предвидя возможность каких-нибудь затруднений в дальнейшем продвижении поезда верховного правителя на восток, я предложил адмиралу бросить поезд и двигаться на лошадях в Урянхай, куда я вышлю надежный отряд монголов и казаков, под охраной которого верховный правитель мог бы снова выйти на линию железной дороги восточнее Байкала. К сожалению, адмирал отклонил мое предложение, заверив меня, что, находясь под защитой пяти иностранных флагов, он рассчитывает в скором времени встретиться со мною в Чите. Некоторое время спустя я получил телеграмму о том, что чехи не пропускают поезд верховного правителя и последний просил меня воздействовать на них и на генерала Жанена в нужном направлении. По получении такого сообщения, я немедленно приказал генерал-майору Скипетрову с тремя бронепоездами, монголо-бурятским конным и маньчжурским стрелковым полками двинуться навстречу поезду адмирала и, приняв его под свою охрану, следовать в Забайкалье до пункта по указанию адмирала» [10, 137].

Вряд ли с теми силами, которые отправил Семёнов в Иркутск, можно было спасти адмирала. Однако у Семёнова и в мыслях этого не было. Вот его приказ, отданный командующему войсками Иркутского военного округа: «Повстанцы, прикрываясь святым именем многострадального русского народа, снова взялись за гнусное дело и открыли новый гражданский фронт, восстав против верховной власти. Приказываю приложить все усилия, чтобы удержаться до прибытия посланного вам на выручку отряда с частями Дикой дивизии под командованием генерала-майора Скипетрова, которому дано категорическое приказание беспощадно покончить раз навсегда с мерзавцами, пользующимися тяжким положением родины и старающимися вновь повторять ошибки прошлого»¹⁸. [3, 29, 30].

Как видим, речь шла о борьбе с восставшими, а дальше – уже смотря по ситуации. Свидетельство П.В. Вологодского о позиции членов Совета министров подтверждают и записки П.Д. Яковлева: «Ночь на 26 декабря прошла спокойно <...> “Еще есть выход, – говорил Яковлев Червен-Водали на очередном докладе 26 декабря, – необходимо отрешить адмирала Колчака от власти и власть правительства передать губернской земской управе, которая не разделяет точки зрения Центра по вопросу дальнейшей борьбы с большевиками. Иначе прольется кровь”. Червен-Водали заверил докладчика честным словом, что он кровопролития не допустит. Георгий Гинс, присутствовавший при докладе, качал головой и твердил по адресу адмирала: роковой человек,

¹⁸ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 717. Л. 2.

какой роковой человек <...> Милолюбие Червен-Водали объяснялось просто. Чехи заявили Центру, что семеновцев в Иркутск они не пропустят. И действительно, отряд генерала Скипетрова, посланный Семёновым на помощь Иркутску, завяз где-то на линии, задержанный союзниками, т. е. чехами. Чехи предусмотрительно умалчивали, что генерал Сыровой дал по линии приказ своим войскам избегать всяких конфликтов с семёновцами в том случае, если они будут поддерживаться японскими войсками. Но Совет министров, заявлявший устами С.Н. Третьякова что-то об управлении с “чистым сердцем” и “чистой совестью”, соглашаясь на передачу земству власти в Иркутске, очень желал выбраться на восток, под высокую руку атамана, чтобы оттуда начать новую борьбу с большевиками и... с иркутским Политцентром. Но для борьбы нужны были деньги, а государственный запас золота был с адмиралом Колчаком, где-то около Тайшета. Вот из-за этого-то золота, которое земцы желали оставить в Иркутске, а Совет министров – отправить на восток, якобы под охрану союзников впредь до образования единой общепризнанной власти в России, соглашение так и не состоялось. Для дальнейшего обсуждения этого пункта обе стороны решили 27 декабря в три часа дня собраться снова у Червен-Водали» [12, 88, 89].

Положение колчаковского правительства оказалось весьма сложным: реальных сил в городе у них не было, перспективы подхода остатков колчаковских войск к Иркутску были весьма туманными.

26 декабря заместитель председателя Совета министров С.Н. Третьяков разговаривал по телеграфу с и. о. председателя Совета министров А.А. Червен-Водали.

А.А. Червен-Водали: <...> Военное командование через полковника Фукуда предупредило генерала Жанена о том, что с сегодняшнего утра начнутся военные действия против повстанцев, а потому оно просит очистить район станции Иркутск от мятежников, иначе могут пострадать иностранцы, находящиеся в этом районе в поездах и в зданиях вокзала. В ответ на это было заявлено, что генерал Жанен установил нейтральную зону в 1 ½ версте в окружности с центром станция Иркутск. В ответ на это начальник гарнизона генерал Сычёв ответил письмами генералу Жанену, Сыровому и начальнику всех военкомиссий следующего содержания: «Я, начальник гарнизона города Иркутска, уполномочен командующим войсками Иркутского военного округа осуществить объявленное им осадное положение. Решение союзных военных миссий об установлении нейтральной зоны, составляющей Иркутский вокзал с ближайшими окрестностями, мне объявлено начальником штаба Иркутского военного округа, но это решение меня может удовлетворить при сложившейся обстановке только в том случае, если нейтральная зона будет совершенно очищена от повстанческих войск с их штабами к 7 часам утра 26 декабря. При соблюдении этого моего условия я оставляю за собой право начать военные действия против повстанческих войск, не считаясь с нейтральной зоной, и открываю артиллерийский, ружейный и пулемётный огонь по повстанческим войскам, где бы они ни находились по истечении указанного срока. Начальник гарнизона города Иркутска генерал-майор Сычёв. 25 декабря. 22 часа». В ответ на это генерал Жанен через полковника Фукуда уведомил Сычёва о том, что им отдано распоряжение чехам встретить наступление генерала Сычёва в указанную зону; причём в очищении от мятежников этого района генералом Жаненом отказано. Таким образом, чехи берут под свое покровительство повстанцев. Мы пока вынуждены на бездействие, что очень скверно действует на психику войск. Необходимо Вам снестись по этому поводу с Парижем, Токио. Посылаю начальника штаба Язвицкого разговаривать с Жаненом, он сидит в поезде. Японцы гарантируют их свободное возвращение.

С.Н. Третьяков: 1) Какое количество чешских войск находится в расположении вокзала и сколько в городе?

2) Как держатся в этом вопросе американцы и англичане?

А.А. Червен-Водали: 1) По имеющимся сведениям в районе Иркутска имеются два полка и порядочная артиллерия.

2) Позавчера утром у меня был по уполномочию Гарриса его секретарь. Говорил, что с Вами разговаривал по прямому проводу, просил обрисовать обстановку; я это сделал, он сообщил, что действиями чехов недоволен, сносится с Вашингтоном; ждет директив; по частным сведениям против этого последнего решения Жанена не возражали, а англичане и французы совершенно нейтральны; японцы высказывают симпатии, но ничего сделать не могут. Сейчас составлю словесную ноту представителям союзников с изложением обстановки и заявлением о

совершенной неприемлемости для правительства занятой генералом Жаненом позиции. Через час-два Язвицкий и начальник штаба будут у генерала, который обещал принять и пригласить к себе представителей остальных миссий. Есть возможность разговаривать с земцами, которые себя не связывают с произведенным восстанием; пока решения никакого не принял. Прошу Ваших указаний, что значит выражение в Вашем вчерашнем сообщении «Будет соблюдена полная преемственность»?

С.Н. Третьяков: Полагаю, что в этом деле нужно соблюдать сугубую осторожность. Открытие военных действий против вокзала равносильно разрыву дипломатических сношений с державами согласия. Полагаю, что есть возможность уговорить Жанена постепенно эвакуировать вокзал, если отсюда будут даны заверения беспрепятственного пропуска чеховоиск. Так как командующим войсками Иркутского округа назначен атаман Семёнов, сейчас же сообщу ему о положении вещей и постараюсь добиться определенного решения. Снести с Сазоновым, Крупенским могу только через Клемма, так как, к сожалению, не захватил с собой заграничного шифра. Полагаю, что снести можно из Иркутска, информируя о положении дела Крупенского, Сазонова и Бахметьева. Вопрос о преемственности надо понимать в прямом смысле, prerogative верховной власти будут соблюдены ¹⁹.

В то время, как колчаковское правительство зависело от чехов и дипломатических миссий, последние оказались в зависимости от позиции повстанцев. В эти дни командующего революционными войсками капитана Калашникова в Глазково посетила дипломатическая миссия. О ней сообщалось в информационном листке № 4 Черемховского революционного штаба: «К командующему войсками революционной армии капитану Калашникову явилась дипломатическая миссия, которая указала капитану Калашникову, что в городе имеются иностранные представители, почему просила не открывать огня по этим районам города. Командующий войсками заявил, что он этого обещать не может. Тогда представители указали, что генерал Сычѳв им это обещал. Командующий войсками, усомнившись в том, что Сычѳв выполнит свое обещание, указал представителям, что Сычѳв находится в значительно лучшем положении, чем войска революции. Он защищен домами города и хочет еще защититься иностранцами, а революционная армия расположена на открытой горе и ничем не защищена. Иностранцы спросили, как будет с выездом чехов, ибо правительство Колчака гарантировало им выезд. Командующий войсками ответил, что гарантии Колчака проблематичны, ибо у него кроме сомнительных штыков ничего нет, в то время как у демократии все: армия, транспорт, копи, хлеб и т. п.» ²⁰.

Однако 27 декабря главный революционный штаб Народной армии в листовке «К населению и иностранным представителям» заверял: «Врагами народа усиленно распространяются слухи о том, что в войсках революционной народной армии находятся военнопленные, которые якобы чинят различные препятствия для продвижения чешских войск <...> Штаб революционной армии делает все возможное, чтобы движение по железной дороге было по возможности усиленное, как на Западе, так и на Востоке, и в этом своем стремлении штаб встречает действительную поддержку и железнодорожных рабочих и служащих всех станций, занятых революционными войсками <...> Штаб революционной армии не чинит никаких препятствий ни чехам, ни иностранным миссиям при продвижении их по железной дороге, наоборот – обеспечивает им свободу продвижения. Он ставит препятствия только правительству Колчака и его агентам» ²¹.

27 декабря утром член Политцентра В.М. Коногов сообщил командующему Народно-революционной армией Н.С. Калашникову: «По постановлению Политцентра сообщаем: к 3 часам дня назначено совместное заседание Совета министров с губернской земской управой на предмет передачи власти через земство Политцентру. Вчера вечером собрание начальников милицейских районов и начальников отрядов особого назначения постановило отдать милицию и отряды особого назначения в распоряжение Политцентру. Политцентр предлагает командующему Народной армией приготовить отряд войск на случай возможной переправы через Ангару» ²².

¹⁹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1508. Л. 6-8.

²⁰ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 729. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 730. Л. 1.

²² ГАНО. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

Тем временем семеновский генерал Л.Н. Скипетров продвигался на Иркутск. Чехи, опасаясь столкновения с японцами, пропустили его отряд до станции Михалёвой в 30 верстах от Иркутска, за семеновцами продвигались четыре эшелона японцев. В полдень уже весь Иркутск знал, что семеновцы рано утром прошли станцию Байкал. Это взбудрило Совет министров и переговоры с губернской земской управой оказались под угрозой. Вновь предоставим слово П.Д. Яковлеву: «Представители Думы заехали к управляющему губернией, прося его дать приказ милиции и отряду о выступлении на площадь для демонстрации. Зная, что это будет вызов генералу Сычёву, после которого неминуемо начнется бой, считая, что это является актом не нейтральным, а активным, Яковлев отказал, и демонстрация не состоялась, а движение пошло другим путем. В три часа дня в кабинете Червен-Водали собрались снова вчерашние делегаты (земцы. – В.К.), которые через пять минут разошлись, так как Червен-Водали заявил, что соглашение с ними, как с людьми, берущими власть для передачи ее большевикам, для правительства невозможно. Через полчаса Яковлеву помощник начальника отряда поручик Зенкевич доложил, что начальник отряда капитан Решетин именем управляющего губернией приказал двум ротам отряда выступить против “Модерна”, и что солдаты с громадным воодушевлением и пением прошли уже в город. “Но я не приказывал выступать”, – сказал встревоженный Яковлев. – “Не могу знать, был ответ” – капитан Решетин действует Вашим именем. – “Началось?” – спросил Яковлева А.Н. Алексеевский (бывший председатель Амурского правительства) и Я.Н. Ходукин, сидевшие у него за чаем. – “Видимо начали, – поправил Яковлев. – И начали, по-моему, в самый неудачный момент, так как в 30 верстах от города стоит более тысячи семеновцев и четыре эшелона японцев”. – “Что думаете делать?” – спросил Алексеевский. – “Попытаюсь вернуть солдат в казармы”, – сказал Яковлев. Они выехали на Тихвинскую площадь, где уже шел бой. Часть унтер-офицеров не присоединилась к восставшим и была последними обезоружена. Первая рота отряда в несколько минут с боем взяла команду связи со всеми ее пулеметами, не потеряв ни одного человека» [12, 89].

Однако вечером ситуация в Иркутске кардинально изменилась. Участник событий А.П. Зайцев вспоминал: «Восстание начал первый яковлевский отряд. Гражданский генерал-губернатор Иркутской губернии Яковлев для охраны порядка и особых поручений оформил отряд в 600 человек исключительно из красноармейцев, высланных в Иркутскую губернию и находившихся в иркутской тюрьме <...> Восстание начал 53-й полк, но проникнуть в город было крайне трудно: в декабре через Ангару нет переправы <...> Переправиться можно было только в том случае, когда хоть часть города напротив переправы оказалась бы в руках своих людей, что в данном случае и сделал яковлевский отряд <...> Ареной первых боев яковлевцев с белыми была река Ушаковка»²³.

Восстание быстро развивалось: был взят в плен начальник штаба генерал А.Н. Вагин; третьей ротой отряда был взят в плен военный министр генерал М.В. Ханжин; занят телеграф, казначейство; повстанцы начали наступление на «Модерн», где размещалось колчаковское правительство, была занята телефонная станция и разговор стал возможен лишь при помощи начальника телефонной станции. И когда уже казалось, что восставшие возьмут город, пополз слух, что из села Лиственничного по Байкальскому тракту на грузовых автомобилях прибыл отряд из 112 семеновцев. Узнав об этом, оборонявшие город отряды Сычёва приободрились. Новость стала известна и губернатору П.Д. Яковлеву. Посоветовавшись с офицерами в штабе, он решил обратиться к восставшим и вернуть их в казармы. П.Д. Яковлев вспоминал: «Молча расходились солдаты по казармам, не понимая, почему их именем управляющего то бросают в бой, то отзывают, среди развивающихся успехов обратно. Но отход обоих рот отряда ставил в безвыходное положение оставшихся в одиночестве унтер-офицеров. По предложению капитана Решетина, ушедшего последним из боя, они направились в Знаменское предместье в казармы отряда, чтобы здесь, сообразив все, что произошло, взять в свои руки сообщение с Якутским и Ангарским трактами, откуда шли крестьянские отряды, создать базу на случай затяжной войны» [12, 90].

На следующее утро управляющий губернией П.Д. Яковлев подал в Совет министров прошение об отставке и уехал из Иркутска в неизвестном направлении. В этот день, 28 декабря,

²³ Воспоминания А.П. Зайцева, 8 октября 1926 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 3. Д. 660. Л. 1, 2.

выяснилось, что никаких семеновцев в городе нет. Тогда капитан Решетин, перебросив свои части через Ушаковку, начал наступление на город. Город оказался в руках повстанцев, но против Решетина выступила офицерская организация, и он был вынужден отступить за Ушаковку. Здесь он занялся организацией дружин из рабочих, ожидая помощь от земских отрядов верхоленских крестьян с Якутского тракта и роту Черемховского гарнизона, направленную в обход Иркутска по Ангарскому тракту ²⁴ [12, 92].

29 декабря утром капитан Решетин предпринял очередную попытку занять город. Однако отряды Огнёва и рота егерей оказали упорное сопротивление и восставшие были вынуждены отступить за Ушаковку. После обеда с Петрушиной горы начался артиллерийский обстрел Знаменского предместья. В этот же день подпольная большевистская организация попыталась освободить заключенных из Иркутской тюрьмы. И. Сурнов вспоминал: «Состояние заключенных было ужасное. Мы решили действовать самым активным образом. Но к нашему удивлению, здесь мы встретили задержку со стороны Политцентра. Когда мы внесли предложение освободить тюрьму, то они завопили, что это невозможно. Ведь в тюрьме сидят большевики и уголовники. Если мы выпустим первых, то озлобим чехов и японцев, и они нарушат свой нейтралитет, подумав, что бои приобретают характер вовлечения в борьбу коммунистических элементов. Если же выпустим уголовников, они же нас и ограбят <...> Политцентр колебался» ²⁵.

Тем не менее, Политцентр выдал удостоверение своему уполномоченному С.И. Файнбергу, которому поручалось совместно с комиссаром Иркутской губернской тюрьмы А.И. Ивановым «освободить из тюрьмы тех офицеров из политических заключенных, которые понадобятся для нужд штаба и армии». Товарищ председателя Политцентра И.И. Ахматов получил удостоверение о том, что ему «передаются все полномочия Политцентра в районе действия командования Народно-революционной армии» ²⁶.

Утром 30 декабря под покровом тумана отряду Решетина через Ангару со станции Батарейной была переправлена шестидюймовая батарея, однако боев в этот день не было. К вечеру отряды Сычёва поредели: рота егерей перешла на сторону Решетина. Политцентр в этот день решил организовать «гражданскую власть в пределах Знаменского предместья», кроме того, комиссару Иркутской губернской тюрьмы А.И. Иванову поручалось выяснить количество политических заключенных ²⁷.

Тем временем к Иркутску все же подошел отряд генерала Л.Н. Скипетрова, посланный атаманом Г.М. Семёновым. Последний вспоминал: «К ночи 31 декабря генерал Скипетров сосредоточился на станции Михалёво, что в 30 верстах от Иркутска. К этому времени предместья Иркутска (Звездочка и Глазково на левом берегу Ангары и Знаменское – за рекой Ушаковкой) находились в руках войск образовавшегося в Иркутске эсеровского Политцентра. Войсками этими командовал капитан Калашников. В самом Иркутске еще держались юнкера, сотня иркутских казаков и добровольцы из офицеров и солдат. Что касается станции Иркутск, то она находилась в руках чехов. На станции Иркутск стоял поезд главнокомандующего союзными войсками французского генерала Жанена» [10, 137].

В ночь на 31 декабря была освобождена тюрьма, это усилило ряды рабочих дружин в Знаменском и Рабочем предместьях. Из освобожденных были сформированы 2 роты. Утром 31 декабря в Глазково завязался упорный бой между повстанцами и отрядом Скипетрова. Чувствуя поддержку японцев, семеновцы держались очень уверенно. Повстанцы дрогнули: рабочие дружины стали отступать к станции Иннокентьевской, туда же предполагалось отправить штаб и имущество 53-го полка. Но в эту критическую для восставших минуту на помощь Калашникову, который лично руководил боевыми операциями, подошли верхоленские партизаны из отряда Зверева. Теперь отступать начали семеновцы. Желая поддержать их, Сычёв издал приказ об артиллерийском обстреле позиций Калашникова. Однако генерал Жанен, учитывая, что повстанцы находятся близко от союзных миссий, приказал Сычёву отменить распоряжение об артобстреле. В итоге Сычёв продолжал отступать, а в центре города развернулись упорные ожесточенные бои, причем на стороне повстанцев оказалась милиция, яковлевский отряд особого

²⁴ Там же.

²⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1397. Л. 72.

²⁶ Там же. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 12. Л. 2; д. 22. Л. 202.

²⁷ Там же. Л. 3; Д. 15. Л. 14.

назначения и рабочие дружины. Японцы, однако, вмешаться не смогли: против них, кроме чехов, стояли солдаты американского батальона ²⁸ [9, 98, 99; 12, 93].

К исходу дня город оказался в руках повстанцев. Политцентр в этот день сформировал гражданское управление. Председателем был назначен И.И. Галактионов. На следующий день были организованы отделы: 1) гражданского порядка (председатель – Р.И. Ерухимович), 2) продовольствия (А.А. Телешев), 3) народного здоровья (К.В. Соколов), 4) судебный (А.И. Филиппов) и 5) финансовый (И.И. Галактионов) ²⁹.

Через полгода после описываемых событий, 7 июня 1920 г., генерал Сычѳев, оправдываясь перед бароном Унгерном, который обосновался в Урге и готовился к новому походу против Советской России: «Ваше превосходительство многоуважаемый барон! Недавно я получил письмо от нашего общего знакомого, в котором он пишет, что Вы будто бы дурно отзываетесь о моих действиях в Иркутске. Мне это очень грустно слушать, тем более, что мы ведь друг друга хорошо знаем <...> Не будь меня, Иркутск был бы взят в первый день восстания. Я был там, не забудьте, только начальником гарнизона, т. е. даже не имел прямой власти над войсками. И если выдвинулся в тяжелую минуту на верх власти и меня слушался бы и комвойск и совет министров, так очевидно, потому что у меня нашлось достаточно энергии и воли. В Иркутске было много старше меня генералов. В том числе и генерал Лохвицкий. Где они были? Известно ли Вам, что я в первую ночь восстания, когда телефон и телеграф уже были захвачены, выступил против целого батальона только с 3 юнкерами и 1 пулеметом и остановил батальон. Потом во многих местах лично приходилось руководить атаками, чтобы хоть как-нибудь двинуть войска. От Скипетрова получил только 260 штыков помощи <...> Японцы палец о палец не ударили, а чехи деятельно помогали моим противникам. Жанен связал разными условиями по рукам и ногам мои действия. Несмотря ни на какие препятствия я удержался в Иркутске 10 дней и дождался Скипетрова, который меня подчинил себе и так действовал, что потерял почти весь свой отряд. Помощи больше не было ниоткуда. Началось восстание внутри гарнизона и оставалось одно – оставить Иркутск. Совесть моя чиста» ³⁰.

Прервем изложение событий в Иркутске и посмотрим, что происходило в городах Иркутской губернии. Восстание в Черемхово оказало серьезное влияние на события в близлежащих городах и станциях. 28 декабря на станции Голуметь общее собрание жителей в числе 200 человек под председательством В.П. Иванова с представителями военно-революционного штаба, отрядов крестьянских и рабочих дружин постановило: «Заслушать доклад делегатов военно-революционного штаба о вновь организовавшейся революционной власти в Черемхово и его уезде, а также об освобождении политических заключенных, о совершившемся политическом перевороте и задачах новой власти, а также о задачах рабочих Черемхово и, принимая во внимание, что рабочие Черемхово не входят в органы власти, но тем не менее и не ведут борьбы с нею, что окончательно власть Колчака еще не свергнута, что борьба с нею требует много усилий и совместных действий, что, высказываясь за желательность установления Советской власти, мы теперь не можем расплыть своих сил, а должны их объединить, признали необходимым вести борьбу с адмиралом Колчаком, оказав содействие всем, чем мы в состоянии, дабы скорее установить порядок. До того момента остается современный строй управления. Для осуществления этой поддержки формировать крестьянские дружины, но формирование этой дружины отложить впредь до приезда наших делегатов из Черемхово и доклада нам о положении дела и порядке формирования дружин» ³¹.

В селе Тулун объединенное совещание представителей рабочих и крестьян, мелкобуржуазных партий, общественных демократических и военных организаций объявило о свержении в селе и волости колчаковской власти, во главе управления был поставлен объединенный комитет трудящихся, который провозгласил следующую платформу: 1) соглашение с действующими в Сибири большевистскими силами и Советской Россией при лозунге немедленного прекращения Гражданской войны; 2) временное однородно-

²⁸ Воспоминания А.П. Зайцева, 8 октября 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 660. Л. 2.

²⁹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 109. Л. 2.

³⁰ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 932. Л. 4.

³¹ Информационный листок ревштаба Черемхово, 30 декабря 1919 г. // ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1365. Л. 3, 4.

социалистическое правительство, ответственное перед собранием народных представителей Сибири; 3) проведение в жизнь истинного народовластия; 4) созыв Сибирского Учредительного собрания³².

Таким образом, район действия колчаковской власти все более суживался до Иркутска. 1 января отряды Сычёва на Ушаковке ожидали наступления противника, однако отряды Решетина спустились с Иерусалимских нагорных улиц в центр города. Разгорелся ожесточенный уличный бой. На помощь Сычёву пришли отряды Семёнова и наступление было отбито. На следующий день воюющие стороны в активные боевые действия не вступали, ограничиваясь перестрелкой. Решетин продолжал формировать дружины из рабочих и подошедших крестьян, а силы Сычёва таяли из-за боевых потерь и дезертиров, которых нечем было восполнять. Поскольку противостояние задерживало эвакуацию чехов, генералы Жанен и Сыровой пытались примирить воюющие стороны в пользу Политцентра и начали склонять к этому колчаковский Совет министров. Сычевцы и семеновцы, узнав об этом, решили эвакуироваться в Забайкалье, начав переводить надежные части в Оренбургское военное училище на окраине города, захватив около 60 заложников и ценности иркутского отделения Государственного банка [12, 93, 94].

В этот день и. о. председателя Совета министров А.А. Червен-Водали встретился с комиссарами бывших союзников. В длинном выступлении он уверял их, что правительство Колчака не реакционно, что члены Совета министров, прибывшие от Деникина, стремятся только к законности и порядку, они поддерживают земства и города, а также различные общественные организации, которым выделен кредит в 6 млн руб., и кооперативы, которым также предполагается дать кредит в 27 млн руб. для решения продовольственной проблемы. Затем он раскритиковал решение Колчака назначить Пепеляева председателем Совета министров. Однако он заверил, что правительство, осуществляя «либеральную политику», основной целью считает «борьбу против большевизма». Но больше всего возмутило Червен-Водали, что земства хотят вступить в переговоры с большевиками и стать властью. Он разъяснял: «Мы считаем, что передача власти местной организации не может состояться, если только у омского правительства не будет отнято право на общую власть. Мы должны покинуть эту власть и заняться чисто сибирской организацией. Для этой цели мы хотим предложить адмиралу Колчаку передать свой титул верховного правителя генералу Деникину <...> Мы желаем, чтобы он сделал это сам, без насильственного принуждения. Затем мы просим вас смотреть на него как на обыкновенное, частное лицо и обеспечить ему свободный проезд на Дальний Восток... Вот и все намерения правительства относительно адмирала»³³.

Затем между А.А. Червен-Водали и генералом М. Жаненом состоялся следующий диалог.

А.А. Червен-Водали: Мы совершенно не уяснили себе смысл вашего нейтралитета. Вы как будто не считаете социалистов-революционеров за большевиков, но мы... так не полагаем. Нам кажется, если вы допускаете, что они не социалисты-революционеры и не земства, а просто мятежники, то в силу ваших должностей и полномочий вы можете принять деятельное участие в подавлении... Другими словами, мы хотим узнать, может ли правительство рассчитывать на вашу действительную поддержку, чтобы бороться с возмущением.

Генерал Жанен: В какой окружности?

А.А. Червен-Водали: От Иркутска до Нижнеудинска, там у нас будет стена и с тем, что у нас здесь есть, мы могли бы что-нибудь сделать... Мы сумели бы развить здесь антибольшевистскую ячейку. <...> Считает ли главное командование, что оно вполне уяснило себе характер настоящих мятежных выступлений? <...> Может ли русское правительство рассчитывать на активное участие войск, находящихся в Иркутском округе, для подавления выступления.

Генерал Жанен: Перевозка войск из Владивостока уже началась, а кроме того все части проходят на восток.

А.А. Червен-Водали: Да... но еще имеются японские и чехословацкие войска... я не доказываю вам пользу этого вмешательства, так как я не прошу об этом. Я желал бы только услышать разъяснение, чтобы знать, является ли настоящее положение вещей возможным для эвакуации и продолжения борьбы. Мне лично кажется, что распространение большевизма делает

³² Там же. Л. 1, 2.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 1434. Л. 6, 8, 9.

дальнейшую работу невозможной. Необходимо пресечь возмущение, иначе каждый их успех будет иметь влияние в отрицательном отношении на выполнение эвакуации³⁴.

Хотя реальных боеспособных сил у правительства Колчака в Иркутске не было, А.А. Червен-Водали все же стал шантажировать комиссаров союзных стран, что если те не вмешаются, то Совет министров будет вести переговоры с восставшими о перемирии, однако опять же не без участия «союзных войск». Чтобы понять абсурдность ситуации, воспроизведем предполагаемые условия перемирия целиком.

1) Военные действия между обеими сторонами должны быть немедленно прекращены. Чтобы гарантировать исполнение этого первого пункта, город, станция и предместье Глазково будут заняты войсками союзников.

2) С одной стороны, восставшие войска, с другой – правительственные должны отступить за пределы зоны, занятой союзными войсками, куда обе воюющие стороны не могут проникнуть³⁵.

Комиссар Англии Ходжсон, ничего конкретно не обещая, заявил, что они «не могут взять на себя ответственность за исполнение предложенных условий», но все же предложил посредничество комиссаров при установлении контактов с Политцентром.

На следующий день А.А. Червен-Водали составил черновик телеграммы А.В. Колчаку с предложением отказаться от прав верховного правителя, передав их генералу А.И. Деникину, что якобы «даст возможность сохранить идею единой всероссийской власти» [6, 331].

Положение колчаковской власти все ухудшалось, Политцентр же, напротив, развернул активную деятельность. 3 января Сычѳв прислал парламентаров и Политцентр согласился отправить делегатов на совещание с представителями колчаковского правительства. В состав делегации Политцентра вошли товарищ председателя И.И. Ахматов, председатель земской управы Я.Н. Ходукин и начальник главного штаба Народно-революционной армии поручик Зоркин; колчаковское правительство представляли и. о. председателя Совета министров А.А. Червен-Водали, министр путей сообщения А.М. Ларионов и военный министр генерал В.М. Ханжин. В числе условий перемирия политцентровцы потребовали предотвратить вывоз имущества и пароходов, вывести войска Семѳнова за пределы губернии; Колчак и Совет министров должны были подать в отставку, а Семѳнов – отказаться от всех должностей, пожалованных ему Колчаком. Делегаты колчаковского правительства заверили, что никакое имущество не эвакуируется; что как только будет гарантия эвакуации солдат на восток, отряд Семѳнова покинет Иркутскую губернию; адмиралу Колчаку уже предложено подать в отставку, а Совет министров уйдет когда образуется новая власть. Однако они не согласились, что с Семѳнова надо снимать полномочия в Восточной Сибири. Таким образом, колчаковское правительство все еще считало себя полноценной властью и третировало Политцентр как какую-то посредственность, обвиняя его в том, что это его сторонники первые начали боевые действия³⁶.

Все это вызвало возмущение в Политцентре и И.И. Ахматов написал протест от имени революционной армии и Политцентра: «Ответы, данные правительством на 12 пунктов наших условий перемирия, производят впечатление полного отсутствия искренности. Кажется, будто правительство желает выиграть время, чтобы восстановить свои силы и мобилизовать их в Забайкалье с тем, чтобы продолжить Гражданскую войну, от которой уже достаточно страдала страна. Согласно условиям, которые нам предложены, вновь установившаяся власть с самого начала находилась бы под угрозой от власти, находящейся в Забайкалье. Не имея достаточно смелости, чтобы с пользой провести задачу демократической реорганизации, которую власть хочет предпринять, эвакуация частей Сибирской армии открыла бы совершенно свободный доступ в страну советским войскам. К тому же образование нового государства в Забайкалье заставило бы новое правительство капитулировать перед большевизмом. Эти ответы ни в коем случае не могут удовлетворить делегатов Политцентра»³⁷.

В ответе А.М. Ларионов и представитель военного министерства генерал А.Н. Вагин потребовали разъяснить, «от чьего имени говорят делегаты» и какие у них гарантии и силы, что

³⁴ Там же. Л. 11-13.

³⁵ Там же. Л. 14.

³⁶ См.: Там же. Л. 22-24.

³⁷ Там же. Л. 25.

все условия будут выполнены. В дополнение они потребовали беспрепятственного пропуска на восток Колчака и Пепеляева, а также руководителей и сотрудников военных гражданских учреждений.

Делегаты Политцентра разъяснили, что Политцентр объединяет «все организации сибирского характера»: земства, комитет сибирских крестьян, областной комитет ПСР, сибирских социал-демократов, кооперативы, что и дает ему «общий, а не местный характер»; что Политцентр контролирует территорию Иркутской губернии и может позаботиться об отступающей армии. Однако политцентровцы настаивали на том, что деятели колчаковского правительства должны дать гарантии, что они «не откажутся предстать перед следственной комиссией и трибуналом, которые установят степень виновности каждого»³⁸.

После препирательств о том, была ли частичная эвакуация ценностей частью общего плана эвакуации или нет, колчаковское правительство объявило, что Совет министров подаст в отставку лишь «после утверждения власти», на что политцентровцы вновь стали уверять, что они и есть настоящая и подлинная временная власть, которая «уступит место национальному правительству как только ее задача будет закончена». И тут вдруг выяснилось, что колчаковское правительство фактически подчинено генералу Скипетрову, в ответ Ахматов объявил, что «пробывание политцентровцев на перемирии излишне»³⁹.

Рано утром 4 января делегаты Политцентра сообщили капитану Решетину: «Переговоры вчера закончились слишком поздно и не достигли своих результатов, так как противник предлагает условия для нас неисполнимые: 1) разделение власти по Байкалу; 2) пропуск за Байкал Колчака, правительства, чиновников, войск, оставшихся верными Колчаку; 3) разделение богатств между ними и нами поровну; 4) неопределенность сложений полномочий Семёнова; 5) передача временно власти союзникам, контроль их над нашими действиями. Ввиду этого соглашение не достигнуто, но ввиду усиленных просьб о продолжении его на 24 часа для отвода удара решено продолжить на 12 часов. Используйте это время в смысле агитации, постарайтесь без наших повлиять на настроение в городе, чтобы подготовить сдачу города и внести разложение в ряды противника»⁴⁰.

Днем переговоры с колчаковским правительством продолжились. Началось все с того, что Иваницкий-Василенко и Ахматов поведали союзным комиссарам, что они хотят «основать в Сибири демократический строй, исходящий из революции, но отвергающий большевизм», а затем объединить «все маленькие демократические правительства, которые образовались вокруг Советской России». Комиссары уклончиво заверили, что они поддерживают «все попытки, совершенные для образования государства на демократических началах», но в какой-либо помощи отказали, уверяя в своем «нейтралитете». Неспешный обмен мнениями нарушил вошедший казачий офицер. Вот что он заявил: «Я представитель казачьих войск... Я пользуюсь этим случаем, чтобы довести до сведения представителей Политцентра, что у меня есть бумага, уполномочивающая меня начать переговоры с вами. Иркутские войска, все время имеющие в виду борьбу с большевизмом, были искусственным образом вовлечены к употреблению оружия против земств. Желая окончить возможно скорее эту борьбу, изменнически замышляемую правительством, мы решили, что сегодня в 12 часов ночи, каково бы ни было принято решение, протрубить сбор всех наших частей и объявить, что мы не желаем больше принимать участие в борьбе. К тому же... мы еще ставим в известность Политцентр о следующем: настоящая борьба больше продолжаться не может, продолжение ее только развивает большевизм и возбуждает страсти. На фронте в Канске у нас есть полк, который мы желаем эвакуировать и поставить в безопасное место. Для этого мы обращаемся к Политцентру, которому к тому же объявляем, что мы не потерпим никакого вмешательства в наши внутренние дела, решаемые выборными депутатами, избираемыми среди казачьих войск и казачьего народа»⁴¹.

И.И. Ахматов быстро нашелся и, поблагодарив казачьи войска «за то, что они поняли свое место», пообещал не преследовать казаков, так как «они были искусственно вовлечены в борьбу» и сохранить «образ демократического исторического казачьего правления, который казаки

³⁸ Там же. Л. 27.

³⁹ Там же. Л. 46, 49.

⁴⁰ Там же. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

⁴¹ Там же. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1434. Л. 56, 57.

установили у себя уже так давно». После того, как комиссар Англии Ходсон еще раз заверил о нейтралитете, Ахматов предложил обсудить всего два пункта: 1) отречение Колчака и отставка Совета министров и 2) передача власти Политцентру, угрожая прекращением перемирия и возобновлением военных действий после 12 часов ночи. Затем состоялся обмен репликами. Воспроизведем его в сокращении, оставляя ключевые моменты.

А.А. Червен-Водали: Распространится ли ваша власть на всю Россию или она будет только в Сибири? Мне кажется, что она скорее местная ввиду своего примитивного характера <...> [Колчак] не передаст вам свою власть. Оставляя в стороне общую русскую власть, Омское правительство, передавая все свои права с точки зрения Сибири... настоятельно желало бы, чтобы власть на всю Россию была бы передана единственному представителю русского объединения – генералу Деникину <...> Мы полагаем, что Политцентр не таит в своих намерениях никакой идеи сепаратизма и что отделение Сибири лишь временное явление?

И.И. Ахматов: Мысль о передаче власти, которая была в руках адмирала Колчака, генералу Деникину должна быть в настоящее время оставлена. От адмирала до сих пор не имеется известий. Насколько доходят сюда сведения с юга, участь Сибири постигает и территорию южного правительства Деникина <...> Образуя Сибирское правительство, мы не покидаем мысли об единой России <...> Мы желаем произвести объединение всех демократических ячеек, которые составились вокруг Советской власти. Они приобретут власть и примут все вместе взятые единую Россию.

А.А. Иваницкий-Василенко: Передача ваших полномочий дает нам возможность... как и вам это казалось в свое время, подчинить себе все русские территории, невзирая на их отдаленность и протяжение. Может быть, в настоящее время мы и не представляем единой России, но она не может быть передана адмиралом Колчаком никому. Он отрекается от всякой формы и мер. Его заставляют отречься <...> Истинная власть, которая будет править Россией, образуется через процесс кристаллизации элементов, которые в настоящее время находятся на пути к формированию. Деникин не имеет права претендовать на наследство, которое к тому же... не существует <...> Единство России не может быть совершено через декреты <...> но лишь <...> через прогрессивное накопление всех отдельных областей.

А.А. Червен-Водали заявил, что они готовы передать то, что имеют; но власть не распространяется на Забайкалье и Дальний Восток.

И.И. Ахматов удивился и заявил, что до сих пор колчаковское правительство представляло из себя всероссийскую власть: «Политцентр не берет на себя власть, чтобы ее бесконечно хранить в одних руках. Мы только посредники и уступим место политическому правлению, составленному из представителей думы». Ходукин в этом месте речи встал и покинул зал.

А.А. Червен-Водали отметил, что Политцентр хочет получить Дальний Восток и Забайкалье, но это против полицентровских принципов демократии: «Все было бы иначе, если главные правительства земств были бы объединены. Их характер национального представительства дал бы возможность просто и явно организовать настоящую власть». Но группы, которые окружают Политцентр, находятся на небольшой территории. Поэтому необходимо созвать Сибирское представительное собрание, а до его созыва управлять областями, которые непосредственно подчинены Политцентру. Возможно, что земства это примут.

И.И. Ахматов: Политцентр совершенно не хочет себе присвоить тот авторитет, который вы удерживаете. Он передаст его строго определенному представительству... то есть – Сибирскому национальному собранию, составленному из представителей сел, городов, казаков... Хотя и имея представителей во всех местностях, Политцентр рассматривает себя как представительство временное, которое возьмет на себя все, что лежало на вас <...> Мы можем принять решение, которое мы формулируем таким образом: «Власть передается Национальному собранию, которое будет созвано Политцентром или правительственным органом, созданным этим последним и берущим на себя власть до созыва собрания».

А.А. Червен-Водали: «Россия в своем целом представляет интерес, которым не следует пренебрегать с интернациональной точки зрения», а вы оставляете страну надолго без национального правительства.

И.И. Ахматов: «Национальное правительство Колчака равносильно обыкновенной декларации... это... притворство». К маленьким независимым государствам присоединится

постепенно и Сибирская республика, мы постепенно придем к разрешению задачи об единой России.

Казачий офицер (врываясь в зал): Отряд Семёнова покинул город... Генерал Сычѳв бежал на автомобиле... по дороге заехал к начальнику Оренбургского казачьего училища, не застал его, оставил ему свою записку: «Спасайся, как я сам это делаю». Он снял части, ввиду начавшегося разложения и колебания среди них <...> Генерал Сычѳв, уезжая, передал всю инициативу оставшимся ему верным частям <...>

Генерал Вагин: Но, господа, может произойти что-то ужасное <...>

А.А. Червен-Водали: От имени правительства прошу союзников занять город <...>

А.А. Иваницкий-Василенко: Мы слишком часто уже обращаемся к союзникам, мы благодарим их за посредничество, но сегодня вы должны иметь достаточно мужества отрешиться от власти без колебаний и позволить нашим войскам вступить в город <...>

Жанен: В городе творится бог знает что, полная анархия <...> Я издал приказ <...> Чешскому гарнизону немедленно взять охрану города и мирных жителей в свои руки ⁴².

Прервем на некоторое время освещение хода переговоров и посмотрим, что происходило в городе. Политцентр весь день активно распространял листовки и воззвания. Вот что в них сообщалось.

«Солдаты и дружинники народно-революционной армии! Наш враг – сычевцы – просит продлить перемирие еще на 12 часов. Политцентр и главный штаб по настоянию консулов Англии, Франции, Америки, Италии и Японии согласны продлить перемирие до 12 часов ночи 4 января. Просьба наших растерявшихся врагов – залог нашей победы. Они чувствуют революционную мощь восставшего народа <...> Будем ожидать конца переговоров, готовясь, если нужно будет, к последней и решительной борьбе с врагом».

«Солдаты, рабочие и крестьяне! Падающая власть запросила мира. По своей спекулятивной и продажной природе из переговоров она пытается устроить спекулятивную сделку. Ее условия таковы: 1) передача власти до Байкала Политцентру; 2) пропуск за Байкал Колчака, правительства, чиновников и войск, оставшихся верными Колчаку; 3) разделение государственных ценностей между ними и новой властью поровну. Восставший народ на это может ответить только одним: Никаких уступок! Никаких сделок! <...> Сомкнем ряды и единым фронтом прогоним монархистов из пределов Сибири!» ⁴³.

Газета «Борьба» в первом номере, вышедшем 4 января, сообщала: «Политцентр прежде всего желает прекращения Гражданской войны и заключения мира с Советской Россией <...> Требуется немедленного отзыва из Сибири иностранных войск, полагая, что внутренние дела России могут быть разрешены только ее собственными силами <...> В лице имеющегося создаться Временного Сибирского Совета народного управления, состоящего из представителей земств, городов, рабочих и крестьян, центр стремится создать такую новую демократическую власть, которая в союзе с революционными государствами может обеспечить существование единой России и дать отпор поднимающей голову мировой революции» ⁴⁴.

Около 7 часов вечера военно-революционные организации Политцентра с присоединившимися к ним егерями, 54-м полком и казачьими частями окружили «Модерн», арестовав немногочисленную охрану остатков колчаковского правительства. Были арестованы управляющий делами бывшего верховного правителя Г.К. Гинс, генерал Потапов, полковник Благовещенский и др. Были отбиты захваченные семеновцами ценности из Государственного банка. Вскоре сдались юнкера, а казаки заявили о присоединении к восставшим. К 2 часам ночи Иркутск был под властью Политцентра ⁴⁵ [12, 95].

5 января 1920 г. город проснулся при новой власти. Казалось, что эсеры могут примерять лавры победителей. Но вот что отмечал один из идеологов кадетской партии Н.В. Устрялов: «Разумеется, было бы наивно думать, что падение иркутского правительства есть в какой бы то ни было степени торжество эсеров. Нет, все прекрасно знают, что это торжество большевиков <...> в его завершающем и крайнем выражении» [6, 332].

⁴² Там же. Л. 60-79.

⁴³ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 730. Л. 20.

⁴⁴ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-44. Оп. 2. Д. 128. Л. 1.

⁴⁵ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 730. Л. 19.

Н.В. Устрялов оказался прав. Не успел пройти месяц, как эсеровский Политцентр и созданный им Совет народного управления прекратили свое существование, передав власть Иркутскому ревкому.

Библиографический список

1. *Агалаков В.Т.* Рабочие Иркутска в борьбе с колчаковщиной (конец 1919 – начало 1920 г.) // Рабочие Восточной Сибири в борьбе за власть Советов (1917-1922 гг.). Иркутск, 1985.
2. *Берсенева И.В.* Иркутское восстание конца 1919 – начала 1920 гг. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://scepis.net/library/id_1863.htmlgao0_ftnref42 (дата обращения – 19.10.2016).
3. *Вендрих Г.А.* Декабрьско-январские бои 1919-1920 гг. в Иркутске. Иркутск, 1957.
4. *Дворянов Н.В.* В тылу Колчака. М., 1963.
5. *Дневник Петра Васильевича Вологодского // За спиной Колчака. Документы и материалы.* М., 2005.
6. *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1983.
7. *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005.
8. *Папин Л.М.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной Республики. М., 1957.
9. *Парфенов П.С.* Последние дни правительства Колчака // Сибирские огни. 1927. № 5.
10. *Семёнов Г.М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. Харбин, 1938.
11. *Ширямов А.А.* Иркутское восстание и расстрел Колчака: Воспоминания // Сибирские огни. 1924. № 4.
12. *Н. Последние дни колчаковщины // Сибирские огни. 1922. № 2.*

V.G. Kokoulin

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

kwladislaw@yandex.ru

REBELLION IN IRKUTSK IN DECEMBER, 1919

The article is devoted to the military and political events in Irkutsk at the final stage of the Civil War in Siberia. On the basis of all available sources it is analyzed political attitude, tactics and slogans of the three political forces: Kolchak's government, the petty-bourgeois camp and the Bolsheviks. It is shown that the activities of the authorities, the impact of guerilla warfare on the outcome of the event, participation of the Irkutsk and Cherehov workers in revolt. It is noted that the final rate of Kolchak's government was ataman G.M. Semenov and Japan standing behind him. Representatives of the countries of the Entente are participated in the political struggle, but were not the decisive force, as it was in the first stage of the Civil War in Siberia. In the concrete historical examples illustrate the activity of representatives of Kolchak military commanders and political leaders, their inability to navigate in the rapidly changing environment, the unacceptability of political slogans to continue the fight against the Bolsheviks to victory and restore a single and indivisible Russia under the rule of monarchical or bourgeois governments for the majority of workers and peasants. It is also noted that the most appropriate slogan for the majority of Siberians was the end of the Civil War, and the Bolsheviks were able to take advantage in their propaganda and organizational work. It is emphasized that in spite of the small number of Bolsheviks in Irkutsk, their influence at the expense of organization and discipline proved ultimately prevailing. The article concludes that the final outcome of the struggle was determined by the relation of the contending forces, their organization, the ability to put forward the right slogans and lead the masses.

Keywords: Siberia, Civil War, Irkutsk Politcentre, A.V. Kolchak, G.M. Semenov, political parties, foreign intervention, guerrillas.